ЭТНОПЕДАГОГИЧЕСКИЕ ТРАДИЦИИ ВОСПИТАНИЯ ДЕТЕЙ РАЗНОГО ПОЛА В ГЕНДЕРНОМ ИЗМЕРЕНИИ

Матюшкова С.Д., Туболец С.Г.
Витебск, ВГУ имени П.М. Машерова

Нашу эпоху характеризует множество разнообразных культурных феноменов, среди которых можно выделить следующую тенденцию: мужчины и женщины радикально меняют представление друг о друге. Сегодня, по мнению отечественных и зарубежных исследователей (И.С. Клецина, Л.Г. Титаренко, О.И. Чеснокова, Л.В. Штылева и др.), понятие о жизненном предназначении представителей обоих полов размыто, традиционные образы мужчины-добытчика и женщины-хранительницы очага критикуются из-за неравнозначности их положения, а новые взгляды окончательно не сформированы. Причем современные трактовки мужских и женских ролей отвергаются старым поколением и критикуются новым. Это характерно и для белорусского общества, где вопреки негативной оценке, появились новые стили жизни мужчин и женщин, осваиваемые в процессе вторичной социализации. Так, женщины успешно выполняют новые роли в бизнесе, в политической сфере, способствуют познанию и распространению новых культурных символов и т.д. [6, с.19-21].

Идет активный поиск ценностных ориентиров и в воспитании детей разного пола. Несмотря на значимую роль всех социальных институтов в распространении новых моделей жизни, первичной остается семья. Семья играет важную роль в формировании гендерной культуры личности, поэтому и сама должна ею обладать на достаточно высоком уровне.

Весьма актуальным представляется для современного общества гендерное измерение представлений о детях разного пола и их воспитание в белорусских семьях, сложившееся в конце XIX – начале XX веков. Это связано с тем, что семья этого времени характеризовалась стабильностью, высоким воспитательным потенциалом (активно, целенаправленно и целесообразно использовались выработанные народные педагогические традиции), силой. Этнопедагогические традиции воспитания детей были направлены на поддержание непрерывности жизни, на формирование качеств, необходимых для организации жизненного пути женщины и мужчины.

Рассмотрение данного аспекта семейного воспитания можно начать с изучения отношения в семье белорусов к рождению детей разного пола. Важным считаем и тот факт, что вообще детей в семье должно было быть много: «У каго дзеці, у таго і шчасце», «Багаты Аўдзей – поўна хата дзяцей», «Малыя дзеці – малы клопат, большыя дзеці – большы клопат», «Малыя дзеткі – малыя бедкі, большыя дзеткі – вялікія бедкі», «Без дзяцей ціха, ды на старасці ліха», «Бацька з маткай на рабоце не томяцца, калі з дзетак сваіх пешацца» [3].

Традиционная культура особо отличает мужское начало, как динамическое, развивающееся, активное (в противовес женскому, которое соответствует стабильности и покою). В белорусской семье, как и у большинства народов, отдавали предпочтение сыновьям. Это связано с особым положением женщины в обществе, с пониманием необходимости подготовки приданого для замужества дочери. Мальчик рассматривался как работник, как наследник, опора для отца (особенно в старости), «будет кому глаза закрыть». Девочка – помощница в доме, эмоциональная поддержка матери: «Без дачкі сям’я, што без агня». Однако необходимо отметить, что желание иметь сына или дочь зависело еще и от наличия в семье детей одного пола. Если рождались сыновья, то хотели дочку, а когда девочки, разумеется, мечтали о сыне. Состоявшимися родителями считались люди, вырастившие много детей: «Адзін сын – не сын, два сыны – паўсына, тры сыны – сын», «Дзе сыноў лава, там бацьку слава, дзе дачок лава, там матцы слава», «У каго дачок сем, то ёсць доля ўсім, а ў каго адна – то і тая долі жадна» [3].

Однозначно все родители радовались рождению здорового ребенка, независимо от его пола. Это связано с тем, что физические недостатки или увечья для крестьянина могли быть непреодолимым препятствием при создании собственной семьи. Тем не менее, для состоятельных девушек, даже имеющих физический недостаток, жених находился практически всегда. Как свидетельствует Л.В. Ракова: «Иногда девушка из богатой семьи, которая сильно хромала или имела другой физический недостаток, выходила замуж за самого красивого парня, ведь, как гласит народная мудрость “За няўдачу даюць бальшую прыдачу (пасаг)”» [4].

Гендерная дифференциация, как процесс, в котором биологические различия между полами наделяются социальным значением, начиналась в белорусских семьях с момента рождения. В зависимости от пола ребенка, обряд церемониального отсечения пуповины проводился с помощью инструментов для женских или мужских работ, предметов, символизовавших достаток, силу. Мальчику пуповину могли перерезать на ноже, топоре, молотке, на дубовой коре, сухой корочке хлеба, книжке, а девочке – на гребне, веретене, нитях, крюках, ножницах [1; 2; 4]. Этот обычай соединения пуповины с предметом мужского или женского мира символизировал половую идентификацию, окончательно «фиксировал» пол ребенка.

Интересен обряд «закрепления» пола новорожденных. Поскольку мальчик являлся будущим хозяином дома, то его послед закапывали около дома под крыльцом, или в доме на углу. «Детское место»

девочки же, в представлении белорусов, как будущей хозяйки, жены и матери, закапывали под яблоней, вишней (ради плодovitости и красоты), под печью (чтобы вела хозяйство) [1; 2; 4].

Социальные различия между детьми разного пола закрепляли и во время первого купания. Для мальчика в воду клали зерно (с продуцирующей целью продолжения рода), обручальное кольцо отца (как магический круг защиты человеку, чья взрослая жизнь будет проходить вне охранительного пространства дома), лили пиво (чтобы был сильным и смелым), а для девочки добавляли молоко (чтобы её лицо всю жизнь было белым и чистым), однокопеечную монету (чтобы свести к минимуму продолжительность и болезненность месячных) [2]. Воду после купания выливали под сильное, стройное дерево (дуб, ясень) – для мальчиков, под красивое плодовое дерево (яблоня, вишня), под крыльцо (чтобы быстрее замуж вышла) – для девочек. Таким образом, первые жизненные обряды определяют существующие в представлениях белорусов мужское и женское пространства, способствующих половому развитию.

Признание ребёнка как принадлежности мужского или женского мира от рождения до 6-8 летнего возраста носит в основном обрядовый и социальный характер. Дети имеют одинаковую одежду (длинная рубашка), спят и играют вместе, находятся под присмотром старших сиблингов и матери. Отмечается необходимость особого подхода к детям данного возраста: «Да пяці год п'ястуй дзіця, як яечка, з сямі – пасі, як авечку, тады выйдзе на чалавека» [3].

К 5-летнему возрасту дети начинают постепенно включаются в трудовую деятельность, ориентированную на формирование гендерной идентификации, как базовой структуре социальной идентичности, которая характеризует человека с точки зрения принадлежности к мужской или женской группе [5, с.31-32]. Примерно с 6-8 лет начинается обособление в играх и работе мальчиков от девочек. Существовал обряд перехода в следующий возрастной этап, связанный с переодеванием детей в присутствии всей семьи: мальчик, надевший штаны, садился на коня, а девочка в юбке, перешитой из материнской, на скамью возле прятки.

С 12-14 лет мальчики переходили под опеку к отцу, они вместе косят, сгребают сено, заготавливают дрова и т.д. Девочки остаются под опекой матери. Если до этого возраста не было строго разграничения по месту нахождения детей разного пола, то в этом возрасте начинается отделение мальчиков-подростков от девочек: мальчики играют и спят с мальчиками, усваивают мужские виды работы.

Конец подросткового периода характеризуется довольно активным участием мальчиков в хозяйстве семьи, получают право на участие в собраниях молодежи. Девушки начинают накапливать приданое, включают в одежду элементы взрослой одежды, начинают присоединяться к играшкам, вечеринкам, играют ведущую роль в ряде обрядов. Например, «Завівання бярозкі» (В четверг на троицкой неделе девушки сплетали венки из берёзовых ветвей, гадая при этом на судьбу близких и любимых) [1].

Гендерная дифференциация в белорусской семье находит отражение в пословицах и поговорках. Например, «Ад дурнога куста і дубец крывы, і ягада пуста», «Ад злой маткі злыя дзеткі», «Бацька – рыбак, і дзеці ў ваду глядзяць», «Лысая карова лысае цяля прывядзе», «Па роду і куры чубатыя», «Якія бацькі, такія і дзеці», «Якое вогнішча, такі і дым, які бацька, такі і сын», «Якое дрэва, такая і стружка, якая маці, такая і дачушка», «Якое дрэва, такі і клін, які бацька, такі і сын», «Якое карэнне, такое і насенне» [3].

Таким образом, можно сделать вывод, что роль родителей в гендерной дифференциации детей является не только ведущей, но и определяющей. Исходя из основного влияния на воспитание отца либо матери, дети становились похожими на своих родителей характерами, склонностями.

В целом этнопедагогические традиции белорусского народа направлены на воспитание достойных продолжателей рода: как в социально-культурном смысле (носителей знаний, обрядов, традиций народа), так и в утилитарно-практическом (умение быть носителем социальных ролей женщина-мать-хозяйка и мужчина-муж-хозяин, настолько эффективных, чтобы полноценно вести домашнее хозяйство, воспитывать детей). В них можно выделить дифференциацию направленности воспитательных усилий матери и отца; целей социализации детей разного пола; различия в системе трудового обучения и социального воспитания мальчиков и девочек.

Список использованных источников:

1. Котович, О. Золотые правила народной культуры / О. Котович, Я.Крук. – Мн.: Адукацыя і выхаванне, 2010. – 592 с.
2. Крук, Я. Сімволіка беларускай народнай культуры / Я. Крук. – Мінск: Ураджай, 2001. – 350 с.
3. Прыказкі і прымаўкі ў дзвюх кнігах / рэд. А.С. Фядосік. – Мн.: Навука і тэхніка, 1976.
4. Ракава, Л.В. Эвалюцыя традыцый сямейнага выхавання беларусаў у XIX-XX стст. / Л.В. Ракава. – Мінск: Беларуская навука, 2009. - 311 с.
5. Словарь гендерных терминов / Под ред. А.А. Денисовой. – Москва: Информация – XXI век, 2002. – 256 с., с.31-32.
6. Титаренко, Л.Г. Формирование новых ролевых идентичностей в белорусском обществе: гендерный подход / Л.Г. Титаренко // Женщина. Общество. Образование: материалы 8-ой Международной междисциплинарной научно-практической конф., Минск, 16 – 17 декабря 2005 г. – Минск: ЖИ ЭНВИЛА, 2006. – С. 19–21.